

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Т. 31. № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шульга П. И.</i> Женский головной убор-парик пазырыкской культуры из могильника Чесноково-2 (Алтай)	7
<i>Ши Ханьда, Курбанала Ж.</i> Зооморфные мотивы могильника Мацзяюань и отраженное в них культурное многообразие	22
<i>Илюшин А. М.</i> Средневековый комплекс вооружения на курганном могильнике Ваганово-1	46

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кайряк А. А.</i> Особенности демографического развития российских немцев в конце XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии и Степного края)	60
<i>Лиджиева И. В.</i> От традиционных целителей к дипломированным врачам: медицинская помощь в кочевом обществе последней трети XIX — первой трети XX в.	76
<i>Кобец О. В.</i> Перепись населения 1926 г. и несостоятельность тезиса о местах компактного проживания белорусов в регионах российско-белорусского приграничья в 1920–1930-е годы	91
<i>Кондратюк Г. Н.</i> Советская этнополитика в отношении национальных меньшинств в Крымской АССР в 1920–1930-х годах	108
<i>Шайдуров В. Н., Осипов Н. А.</i> Национальная политика в Ленинградской области в 1920–1930-е гг.	119
<i>Альховик Н. К.</i> Особенности национальной политики в отношении этнических меньшинств БССР в 1920–1941 гг.	142
<i>Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.</i> Этническое большинство и этнические меньшинства северо-западной части РСФСР: общие тенденции и специфика воспроизводства в 1939–1959 гг.	165

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Васильев Д. В.</i> Православная церковь в туркменском оазисе: храм во имя Святителя Алексия Митрополита Московского в Мургабском государственном имении	189
<i>Шершинева Е. А.</i> Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской Империи	210
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в условиях ужесточения государственно-конфессиональной политики в СССР в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг.	229

ДЛЯ АВТОРОВ	252
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026, vol. 31, no. 3

Section I. **ARCHEOLOGY AND ETNO-KULTURAL HISTORY**

<i>Shulga P.I.</i> The Female-headdress wig of Pazyryk culture from Chesnokovo-2 (Altai)	7
<i>Shi Handa, Kurbanali Zh.</i> Zoomorphic decoration and cultural diversity at the Majiayuan cemetery	22
<i>Ilyushin A.M.</i> The medieval armament complex at the Vaganovo-1 burial mound.....	46

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kairiak. A.A.</i> Features of the demographic development of Russian Germans in the late 19th and early 20th centuries (on the example of St. Petersburg province and Steppe Region)	60
<i>Lidzhiyeva I.V.</i> From traditional healers to qualified physicians: medical care in nomadic society in the last third of the 19th — first third of the 20th century.....	76
<i>Kobets O.V.</i> Population census of 1926 and the inconsistency of the thesis about the places of compact residence of Belarusians in the regions of the Russian-Belarusian border in the 1920s-1930s.	91
<i>Kondratyuk G.N.</i> Soviet ethnopolitics towards national minorities in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s.	108
<i>Shaidurov V.N., Osipov N.A.</i> National policy in the Leningrad Region in the 1920s and 1930s.	119
<i>Alkhovik M.K.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	142
<i>Chernysheva N.V., Azhigulova A.I.</i> Features of the national policy towards the BSSR ethnic in 1920–1941	165

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Vasilyev D.V.</i> An Orthodox Church in a Turkmen Oasis: The Church of St. Alexis, Metropolitan of Moscow, in the Murghab Sovereign's Estate.....	189
<i>Shershneva E.A.</i> The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities.....	210
<i>Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.</i> The situation of buddhist communities in Tuva in the context of the tightening of state-confessional policy in the USSR in the late 1950s — first half of the 1960s.....	229

FOR AUTHORS	252
--------------------------	-----

УДК 322 (571.1)

DOI 10.14258/nreur(2026)3–12

*Е. А. Шершнева**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ПОЛОЖЕНИЕ ССЫЛЬНЫХ МУСУЛЬМАН СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья подготовлена на основе анализа исторических источников первой половины XIX в., хранящихся в Государственном архиве Томской области, представленных рапортами губернских органов власти, выписками из журнала заседаний совета Главного управления Западной Сибири, а также перепиской чиновников по вопросам ссыльных мусульманского вероисповедания. Благодаря анализу архивных документов из фондов Томского губернского управления, Томской духовной консистории Святейшего правительствующего синода и Канцелярии Томского губернатора удалось представить положение мусульманского населения Западной Сибири, оказавшегося в статусе ссыльных. Меры правительства по освоению Сибирского края, в том числе и за счет ссыльных, привели к увеличению численности мусульманского населения в регионе, а также его этническому многообразию. Однако до начала XIX в. вопрос сибирской ссылки был слабо регламентирован, и лишь принятие в 1822 г. «Устава о ссыльных» позволило обеспечить государственный контроль за ссыльным населением на законодательном уровне. В данный период основными преступлениями, за которые мусульмане оказались сосланы в Сибирь, являлось бродяжничество, конокрадство, изготовление фальшивых денег, а также религиозный фанатизм. Причем тяжелое материальное положение, в котором оказывались ссыльнопоселенцы мусульманского вероисповедания, часто приводило к совершению повторных преступлений. Имперские власти ставили перед мусульманским духовенством задачу по формированию благонадежности и нравственности в религиозной среде. Однако статус самих лиц духовного звания, а также их немногочисленность в регионе не могли решить всех поставленных перед ними задач. Особенно пристального внимания со стороны местных властей заслуживало мусульманское население, прибывшее на территорию Сибири из-за границы. Это связано с тем, что часть из них являлась иностранными подданными, совершавшими преступления в регионе, не попадающими под суд по российскому закону. Среди выходцев из-за границы встречались также и ранее беглые преступники, в отношении которых задачей местных властей было их размещение в Сибири и установление за ними контроля.

Ключевые слова: мусульмане, ислам, западная Сибирь, государственно-конфессиональная политика, Российская империя, ссылка

Для цитирования:

Шершнева Е. А. Положение ссыльных мусульман Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 3. С. 210–228. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–12](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–12)

Шершнева Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE STATUS OF EXILED MUSLIMS IN SIBERIA IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN EMPIRE'S STATE POLICY TOWARD RELIGIOUS COMMUNITIES

This article is based on an analysis of historical sources from the first half of the 19th century, stored in the State Archives of Tomsk Oblast. These sources include reports from provincial government bodies, excerpts from the meeting minutes of the Council of the Main Administration of Western Siberia, and official correspondence regarding Muslim exiles. An analysis of archival documents from the holdings of the Tomsk Provincial Administration, the Tomsk Spiritual Consistory of the Holy Governing Synod, and the Chancellery of the Tomsk Governor allowed us to present the situation of the Muslim population of Western Siberia, who found themselves in exile. Government efforts to develop the Siberian region, including through the exiles, led to an increase in the Muslim population in the region, as well as its ethnic diversity. However, until the early 19th century, the issue of Siberian exile was poorly regulated, and only the adoption of the “Charter on Exiles” in 1822 allowed for state oversight of the exiled population at the legislative level. During this period, the main crimes for which Muslims were exiled to Siberia were vagrancy, horse stealing, counterfeiting, and religious fanaticism. Moreover, the dire financial situation of Muslim exiles often led to repeat offenses. Imperial authorities tasked the Muslim clergy with fostering trustworthiness and morality within the religious community. However, the status of the clergy themselves, as well as their small number in the region, prevented them from fulfilling all these obligations. The Muslim population arriving in Siberia from abroad deserved particularly close attention from local authorities. This was because some of them were foreign nationals who had committed crimes in the region and were not subject to prosecution under Russian law. Among those arriving from abroad were also former fugitive criminals, and local authorities were tasked with settling them in Siberia and establishing control over them.

Keywords: Muslims, Islam, Western Siberia, state-confessional policy, Russian Empire, link

For citation:

Shershneva E. A. The Status of Exiled Muslims in Siberia in the Context of the Russian Empire's State Policy toward Religious Communities. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 30, no. 3, pp. 210–228. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2026\)3–12](https://doi.org/10.14258/nreur(2026)3–12)

Shershneva Elena Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Введение

Сибирь с момента своего вхождения в состав российского государства являлась поликонфессиональным регионом, где мусульманская умма занимала особое место. В современной историографии большое внимание уделяется вопросам распространения и укрепления исламских традиций среди населения региона [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009; Корусенко, Томилов, 2011; Ярков, Старостин, 2021; Ярков, 2019; Бакиева, 2007; Бакиева, 2008; Шершнева, 2022; Дашковский, Шершнева, 2021 и др.]. Анализ этнического и социально-экономического состава мусульманских общин сибирского региона позволяет дать оценку отношения к ним со стороны российского правительства. Этноконфессиональная политика российского правительства в отношении Сибири отличалась от других регионов страны в силу отдаленности региона и специфики его заселения. Начиная с XVIII в. Сибирский край официально становится местом ссылки. Принятый в 1760 г. указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут и о платеже из казны за жен и детей обоего пола тех отправленных крестьян, по назначенной в сем указе цене» [ПСЗ — I, Т. XV, № 11166] официально закрепил за регионом данный статус. Таким образом, на основании принятого указа численность населения Сибири за счет ссыльных и их семей только за период с 1761 г. по 1782 г. возросла почти на 60 тысяч человек [Иванов, 2014: 44]. При этом ссылались в Сибирь представители разных этнических и религиозных групп, среди которых оказывались последователи ислама. Целью данной статьи является рассмотрение основных направлений противоправных действий, в которые было вовлечено мусульманское население Сибири. Для решения поставленной цели были привлечены материалы Государственного архива Томской области, а именно фондов Томского губернского управления, Томской духовной консистории Святейшего правительствующего синода и Канцелярии Томского губернатора. В данных фондах нашли свое отражение рапорты представителей губернских органов власти, выписки из журнала заседаний совета Главного управления Западной Сибири, переписки чиновников по вопросам ссыльных мусульманского вероисповедания.

Роль мусульманского населения в системе сибирской ссылки в дореформенный период

Ссылка в Сибирь на долгие годы становится одной из преобладающих форм наказания за совершенные преступления в Российской империи. В начале XIX в. с целью упорядочения процесса ссылки в стране строятся этапы (станции) для ссыльных, а в г. Тобольске учреждается приказ о ссыльных, в обязанности которого входило распределение ссыльных по территории Сибири [Устав о ссыльных, 1822: 5]. В данный период большинство ссыльных распределялось по территории Западной Сибири. Так, на основании данных, приводимых Е. В. Карих, только за период с 1803 г. по 1805 г. на территорию Томской губернии прибыло 7196 ссыльных. В 1825–1833 гг. более 50% сосланных в Сибирь были также расселены на территории западной её части. Лишь в 30–40-е гг. XIX в. ситуация начинает несколько меняться, и основным местом ссылки постепенно становится Восточная Сибирь, в то время как в Западной начинает преобладать добровольное переселение крестьян из северо-западных и западных губерний России [Карих, 2004].

К 1858 г. число ссыльных мусульман в Тобольской губернии составляло 10% от общего числа сосланных, в Томской губернии — 15% [Ярков, Старостин, 2021: 46; Нам, 2009: 42]. При этом, если территория Западной Сибири начинает рассматриваться имперскими властями как место ссылки с целью перевоспитания людей, оступившихся в тяжелых условиях, то Восточная Сибирь становилась местом каторги, куда ссылали за особо тяжкие преступления [Никулина, 2011: 121, 147].

Несмотря на то, что число ссыльных в Сибири в начале XIX в. продолжало расти, четкой законодательной базы, регламентирующей их положение в регионе, долгое время не было разработано. Лишь благодаря активной деятельности М. М. Сперанского были приняты такие нормативные акты, как «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в Сибирских губерниях», «Положение о сибирской ссылке». На основании принятых нормативных актов регламентировалась деятельность губернских органов власти по приему, отправке и содержанию ссыльных. Принятые уставы установили систему управления ссылкой, определили правила причисления ссыльных к существующим сельским обществам. При этом контроль за ними возлагался на земских и сельских начальников, поскольку местная администрация в силу своей малочисленности не могла осуществлять контроль за ссыльными [Дамешек, 2018: 371–379]. Такая мера обосновывалась ещё и тем, что ссыльные в XVIII и XIX вв. распределялись по хорошо освоенным территориям Сибири и причислялись к существующим сельским обществам [Иванов, 2014: 45].

С целью сохранения своих этнических и религиозных традиций ссыльные мусульмане стремились быть причисленными на территории Сибири к селениям своих единоплеменников. Попытки интеграции ссыльных в социальную структуру уже существующих поселений объяснялись и тем, что ссылка была пожизненной, и до второй половины XIX в. её сроки не оговаривались. Даже получившая временные ограничения в 1822 г. на основании принятых нормативных актов каторга предполагала дальнейшее поселение на территории Сибири осужденного, отбывшего наказание [Сысоев, Кавецкий, 2016: 94–95]. При этом при причислении ссыльных к поселкам не учитывался и тот факт, что все ссыльные должны были распределяться по нескольким разрядам — вре-

менные заводские рабочие, ремесленники, цеховые слуги, поселенцы, водворяемые рабочие и «дряхлые». Данный факт объяснялся также неготовностью сибирской администрации принимать ссыльных по указанным разрядам и отсутствием в регионе заводов и ремесленных мастерских в достаточном количестве [Сальникова, 2012: 269].

Несмотря на то, что ссыльные, исповедующие ислам, стремились к включению в социально-экономическую жизнь общины своих единоверцев, данный статус не давал им возможности полноценно в неё интегрироваться. Наиболее распространенными преступлениями среди ссыльного мусульманского населения являлось конокрадство, бродяжничество и распространение религиозного фанатизма [Литвинов, 2015: 76; Гавриленков, 2017: 25–26].

Оказавшись в Сибири, ссыльные испытывали затруднения при организации собственного хозяйства. В большинстве случаев это было связано с отсутствием материальной базы. Сами ссыльные не имели необходимых средств для организации своего быта на новом месте, а поддержка со стороны имперских органов власти в виде предоставляемых ссыльнопоселенцам пособий, часто была лишь формальной. Согласно принятому «Уставу о ссыльных», старожил, пускающий к себе в дом ссыльнопоселенца, получал вознаграждение. Однако на деле данная мера практически не работала. Ссыльные, как правило, не получали земельных наделов и находились в крайне затруднительном материальном положении. К тому же даже те, кому удавалось обзавестись землей, не имели возможности вести хозяйство наравне со старожилами. Так, у ссыльнопоселенцев на одно хозяйство приходилась лишь одна лошадь, в то время как у старожилов их было три [Иванов, 2014: 47–48].

Таким образом, несмотря на то, что все ссыльные должны были получать землю для дальнейшего своего устройства на территории Сибири, большинство из них получало билет на право отлучки для поиска заработка. Данные меры приводили к появлению нищенства и бродяжничества в среде ссыльного населения. К тому же их неполноправное положение напрямую влияло на попадание в зависимость от старожильского населения. Не способствовал улучшению материального положения и специальный заемный капитал ссыльнопоселенцев Восточной Сибири, утвержденный 27 августа 1825 г. Сибирским комитетом [Катцина, 2010: 6–7]. Сложности, с которыми сталкивалось водворенное на сибирские земли мусульманское население в статусе ссыльных, и отсутствие стабильной экономической базы приводили к совершению повторных преступлений. Их главным занятием становились грабежи, конокрадство, изготовление фальшивых денег и документов [Лилявина, 2016: 62].

Факты повторного совершения преступлений уже на территории Сибири находят свое подтверждение в архивных материалах. Так, в 1838 г. в Томское губернское правление был направлен рапорт Лаишевского земского суда Казанской губернии о высылке татар этого уезда А. Башерова и М. Назирова, отбывающих наказание в Сибири за кражу, в Томскую губернию. В рапорте указывалось, что несмотря на то, что они указывали, что причислены в Томской губернии в ясачные татары деревни Каргачи, это вызывало множество сомнений в подделке ими предоставленных документов. Самых арестантов было решено отправить в Томскую губернию, где именно Томский земский суд должен был принять решение о их дальнейшей судьбе [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 233. Л. 1–1

об.]. В рамках рассмотренного дела было установлено, что указанные татары ранее уже привлекались к суду за самовольную отлучку с места отбывания своего наказания.

Пытаясь установить контроль за ссыльным населением и предотвратить их разорение, правительство уже в первой половине XIX в. начинает интересоваться вопросом социально-экономического положения ссыльных татар на территории Сибири. Так, в марте 1825 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири был направлен секретный циркуляр, согласно которому он должен был представить данные, где, в каких губерниях и в каком количестве на вверенных ему территориях проживают ссыльные татары. Среди предоставляемых сведений необходимо было указать, имеют ли они собственные дома [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 5–5 об.]. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири был направлен запрос о получении указанных сведений в Томскую экспедицию о ссыльных [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 12]. На свои запросы генерал-губернатор получил ответ, что в Томской губернии ссыльных нет, т. к. они все направляются в Иркутскую губернию в соответствии с распоряжением Тобольского приказа о ссыльных [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 6].

Несмотря на то, что после 1822 г. система управления ссылкой приобрела более стройный характер, архивные данные свидетельствуют о существующих затруднениях, касающихся даже предоставления информации о ссыльных, проживающих в крае. Так, в 1825 г. Главным управлением Западной Сибири на имя Томского гражданского губернатора был направлен секретный циркуляр, в котором указывалось, что несмотря на сделанный Управляющим министерством внутренних дел запрос о ссыльных мусульманского вероисповедания в количестве 207 человек ответ от Тобольского гражданского губернатора так и не был получен. При этом Управляющего министерством внутренних дел интересовал вопрос экономического обеспечения ссыльных, а именно, имеют ли они дома и обложены ли подушной податью. В связи с отсутствием необходимой информации было принято решение о приостановке их дальнейшей отправки в Иркутскую губернию [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 19–19 об.].

В целом система отправки ссыльных была регламентирована «Уставом о ссыльных». Однако, несмотря на то что вся процедура этапирования была законодательно закреплена, сам процесс ссылки был крайне продолжительным и сложным. В обязанности Тобольского ссыльного приказа входило составление «статейных списков», установление норм довольствия, а также дальнейшее распределение заключенных по Сибири [Сальникова, 2011: 319]. Распределяя ссыльных по территории Сибири, Тобольский ссыльный приказ обязан был учитывать пригодность отбывающих наказание для использования их на работах. В 1827 г. генерал-губернатору Западной Сибири была направлена бумага, в которой указывалось, что на основании распоряжений Министерства внутренних дел во избежание побегов армян, грузин и татар следует высылать их из Западной Сибири в Восточную. Однако, как было указано в полученной бумаге, Томская экспедиция о ссыльных и Тобольский ссыльный приказ направляют в Иркутскую губернию ссыльных, не способных к работе. В связи с этим предлагалось пересмотреть ранее принятое распоряжение и высылать в Восточную Сибирь не всех ссыльных, а только крепких здоровьем, которые могут быть привлекаемы к работам [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 32–33]. Данный вопрос был иницииро-

ван Иркутским губернским начальством, т. к. была отмечена тенденция об отправке из Западной Сибири ссыльных, не способных к труду и «дряхлах». Инициатива высылки ссыльного населения в более отдаленные места Сибири, а именно в Иркутскую губернию и Забайкальский край, была связана с тем, что, несмотря на попытки законодательного закрепления всего процесса ссылки, побегі не были редким явлением. В силу нехватки лиц, осуществляющих надзор за ссыльными, в начале XIX в. на территории Персии и Грузии были обнаружены беглые ссыльные из Сибири. С целью дальнейшего предотвращения такого рода инцидентов Министерство внутренних дел приняло решение о высылке грузин, армян и татар в Восточную Сибирь [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 34–35 об.].

Несмотря на озабоченность государственных органов побегами ссыльных с территории Западной Сибири, вопрос материального благосостояния жителей края — вне зависимости от их статуса — оставался одним из важнейших. К тому же, ссылка была важна для освоения тех мест, куда люди не ехали добровольно [Казаркин, 2008: 34; Копцева, Байрамов, 2015: 1738]. В связи с этим, на основании сложившихся обстоятельств и рассмотрев журналы протоколов заседаний Тобольского и Томского губернских правлений, Совет главного управления Западной Сибири в 1828 г. предписал армян, грузин и татар, предполагающихся для высылки в Иркутскую губернию, оставить на прежнем месте жительства, если они обзавелись домовладениями либо имеют слабое здоровье и не способны к работам [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15. Л. 39–41].

Роль мусульманского духовенства в судебной и пенитенциарной системе

Увеличение численности мусульманского населения на территории Сибири требовало от правительства более пристального внимания к его духовным потребностям. Несмотря на то, что ещё Екатериной II был провозглашен курс на веротерпимость, российское правительство видело для себя некоторую угрозу в представителях иноверческих исповеданий, к которым относился ислам. Пройдя ряд реорганизаций, в 1832 г. в составе Министерства внутренних дел был утвержден Департамент духовных дел иностранных исповеданий [ПСЗ — II, Т. VII, № 5126; Высшие центральные государственные учреждения России. 1801–1917, Т. 2, 2001: 36–38]. Таким образом, деятельность мусульманских общин в стране, а также отдельных служителей культа, оказалась под контролем Министерства внутренних дел. Именно полиция и жандармы осуществляли контроль за реализацией государственной политики в отношении мусульманского населения [Саидов, Алибекова, 2021: 49].

Способствовать осуществлению надзора за гражданами, помогая полиции, должны были и муллы [Петровский, 2021: 89]. На мусульманское духовенство возлагалась обязанность по ведению актов гражданского состояния, которые могли быть необходимы в работе исполнительных и судебных органов. В 1822 г. Министерством духовных дел и народного просвещения был предложен проект о предоставлении муллам прав в делах гражданского судопроизводства. Согласно предложенному проекту представители мусульманского духовенства могли выступать лишь примирителями между тяжущимися сторонами. При этом в ведении мусульманского духовенства оставались дела, связанные с наследством, и брачно-семейного характера — и то только в том случае, если это не вызывало недоверия ни у одной из спорящих сторон. [Денисов, 2012: 93–94]. Не до-

пускалось мусульманское духовенство до решения судебных вопросов, рассматриваемых в окружном или губернском суде, а именно связанных с преступлениями против государства, убийствами, разбойными нападениями [Петровский, 2021: 92]. При этом, что касается судов, затрагивающих отношения между супругами, то в них муллы принимали непосредственное участие. В частности, по Тобольской губернии встречаются судебные дела, связанные с бракоразводным процессом по причине рукоприкладства мужа в отношении жены. В этих делах мулла часто выступал не только как свидетель, но как инициатор и главный обвинитель [Бакиева, 2007: 169].

Несмотря на все попытки со стороны правительства в начале XIX в. унифицировать систему судопроизводства сибирских татар по образцу судопроизводства русского крестьянства, она не увенчалась успехом. Татары в большинстве случаев продолжали осуществлять управление и решать судебные дела преимущественно по традиционным нормам с привлечением лиц духовного звания. Сибирские татары обращались к мулле и для решения вопросов, связанных с воровством, телесными повреждениями и пр. При судебном разбирательстве таких дел мулла обращался к нормам обычного права и Шариата. Чаще всего за проступки предполагалось телесное наказание, которое приводилось в действие на собрании односельчан. Однако на основании указа от 8 июня 1837 г. правительством вводился запрет на телесные наказания мусульман со стороны духовных лиц. В связи с этим уже в 1839 г. жителям Тобольской губернии при разборе дела о прелюбодеянии в виде наказания был наложен пост и покаяние в мечети. Мусульманское духовенство при рассмотрении бракоразводных дел в случае измены одного из супругов должно было сообщить об этом факте полицейскому начальнику [Бакиева, 2007: 170; Литвинов, 2024: 83].

Несмотря на то, что мусульманское духовенство выполняло функции государственных чиновников, оно приравнивалось по статусу к сельским обывателям и не составляло отдельного сословия. Представители мусульманского духовенства избирались из среды общины на общинном сходе. Одними из важнейших условий для кандидата на должность муллы в первой половине XIX в. являлись его благонадежность и добропорядочное поведение. Будущий мулла не должен был принадлежать ни к каким сектам и не привлекаться к суду [Бакиева, 2007: 167].

Правительство опасалось распространения антиправительственных идей в мусульманской среде и отчасти сдерживало формирование мусульманского духовенства как закрытой корпорации. На мусульманское духовенство распространялись все податные обязанности, т. к. они оставались членами общины. При этом, получая статус духовного лица, они становились своего рода государственными чиновниками, которые находились в тесном сотрудничестве с губернской администрацией и органами полицейского надзора [Речкина, 2006: 81].

Одной из задач, стоящей перед мусульманским духовенством, был контроль за арестантами, исповедующими ислам, и воздействие на них через нравственное увещевание. Несмотря на то, что тюрьма является закрытым заведением, тюремное начальство в некоторых случаях допускало на свою территорию служителей культа. Духовно-нравственное окормление тюрем на территории Сибири чаще всего выполняли муллы ближайших приходов, которых приглашали для совершения погребального обря-

да или проведения бесед для смягчения нрава заключенных. На основании закона от 5 марта 1849 г. мусульмане, находившиеся в арестантских ротах, освобождались в дни праздников и пятницу от работ, а с 1854 г. арестантам предоставлялось по три дня отдыха в праздничные дни [Загидуллин, 2007].

Особое внимание на территории Сибири уделяли этническому составу преступников, исповедующих ислам. Наиболее неблагонадежными считались башкиры и татары, а также выходцы с Кавказа. В начале XIX в. в Тобольской губернии местная администрация опасалась их объединения с целью поднятия смуты среди ссыльного населения. При этом выходцы из Средней Азии рассматривались как лица, плохо знакомые с религиозной догматикой, на которых сильное влияние в нравственном плане оказывает сама община единоверцев, пытающаяся наставить их на путь исправления. Мулле, привлекаемому для удовлетворения духовных потребностей отбывающих в регионе наказание мусульман, а также обязанному проводить воспитательную работу, назначалось жалование из спецсредств Министерства юстиции [Ярков, 2019: 215–216].

Несмотря на возлагаемые на духовное лицо мусульманского вероисповедания обязанности со стороны правительства, муллы оставались подсудны наравне с простыми обывателями. В случае несоблюдения каких-либо обязанностей, или если мулла был замечен в недобропорядочном поведении, предполагалось его отстранение от должности, а в некоторых случаях и заключение под стражу. На данные факты указывает Г. Т. Бакиева, обращаясь к архивным материалам по Тобольской губернии первой половины XIX в. Среди преступлений, совершенных духовными лицами, приводятся такие примеры, как ложные доносы либо заключение брака между лицами, не принадлежащими его приходу [Бакиева, 2007: 168].

Случай привлечения муллы к суду отмечен и в Томской губернии. В 1834 г. командующим сибирским линейным батальоном в Томское губернское правление был направлен рапорт о рассмотрении дела по задержанию муллы из татар К. Бураметова. В ходе разбирательства Томским губернским управлением было установлено провести расследование по данному делу, допросить муллу и направить дело на рассмотрение в окружной суд в соответствии с законом [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 519]. Несмотря на то что привлечение мусульманского духовенства к суду и отбыванию наказания на территории Сибири не носило массового характера, тем не менее не было и исключением. В частности, согласно статистике, на 1849 г. в Томской губернии среди преступников, отбывающих наказание, числилось одно лицо духовного звания [Ярков, 2019: 216].

Русская православная церковь как инструмент формирования нравственности среди населения

Особая роль в воспитании нравственности среди осужденных отводилась Русской православной церкви. Священники обязаны были следить за нравственностью своих прихожан, оказывать им духовную поддержку в тюрьмах. При тюрьмах предполагалось наличие церкви. Однако до 1831 г. не существовало точных указаний о церковных службах в местах заключения, а также порядке времяпрепровождения заключенными. До этого времени храмы и штатные священники существовали лишь в губернских и пересыльных тюрьмах. Для совершения богослужения выделялась одна комната, в которой православный священник совершал необходимые требы. Постепенно к се-

редине XIX в. устанавливаются правила по устройству православных церквей в местах заключения, а также организации молитвенных комнат для католиков и лютеран. Мусульмане могли претендовать на место для молитвы лишь при условии наличия свободной камеры [Загидуллин, 2007].

В обязанность Русской православной церкви как государственного института входила забота о всех нуждающихся, в том числе и заключенных. Государство, со своей стороны, обеспечивало поддержку Русской православной церкви, освобождая её от налогов. Создавая благотворительные общества, представители церкви посещали тюрьмы, вели душеспасительные беседы с заключенными, наставляя их на путь истинный, принимая различные меры к их нравственно-религиозному исправлению [Петровский, 2021: 89].

Оказывала православная церковь поддержку и вновь принявшим православие иноземцам, исповедующим ислам. В частности, принявшие православие могли освобождаться от уголовного наказания. Примером такого случая может служить обращение в 1833 г. жительницы г. Тары Айжой Сеитовой, подвергшейся суду за прелюбодеяние и кражу, о желании креститься вместе с малолетней дочерью. Данное ее желание объясняется как раз освобождением от уголовного наказания в случае крещения [Бакиева, 2008: 7]. Принявшее православие мусульманское население освобождалось также от оброчных податей. В частности, на основании Положения Комитета министров от 15 сентября 1856 г. турецкие дезертиры и военные, принявшие православие, освобождались от взимания налогов и рекрутской повинности [Полякова, 2010: 328].

Не оставалась церковь в стороне и от контроля за мусульманским населением. Так, епископу Томскому и Семипалатинскому был направлен рапорт от благочинного, в котором указывалось, что был задержан персидский подданный, собирающий пожертвования на святые места и в помощь духовенству, находящемуся под «Турецким игом». Однако, как было установлено и указывалось в рапорте, никаких бумаг от Священного Синода, позволяющих ему осуществлять такого рода деятельность, при нем не оказалась [ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 22. Л. 1–1 об.].

Влияние иностранных подданных на благонадежность мусульманского населения

Одной из проблем для Западной Сибири стало появление на ее территории иностранцев мусульманского вероисповедания. На основании «Устава духовных дел иностранных исповеданий» всем подданным Российской империи, а также иностранцам, прибывающим в страну, разрешалось свободно совершать богослужения и соблюдать традиции своей веры. Однако духовным и светским лицам, не принадлежащим к православию, запрещалось осуществлять проповедническую деятельность [Андрощук, 2020: 36; Арапов, 2001: 20]. В связи с этим отношение к лицам, исповедующим ислам и прибывшим в страну из-за границы, было крайне настороженным.

В 1822 г. Томскому и Тобольскому генерал-губернаторам было направлено распоряжение по пограничной части, согласно которому предписывалось собрать наиболее точные сведения о том, какие именно люди вышли в их губернии из-за границы на основании Манифеста 30 августа 1814 г. Кроме того, следовало указать, причислены ли они к какому-либо роду занятий и какие документы имеют. Такие действия со сторо-

ны властей объяснялись увеличением числа бродяг в Тобольской губернии, в районе Петропавловска [ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 16–17].

Исполняющий должность Петропавловского городничего сообщал Томскому и Тобольскому генерал-губернаторам, что им были обнаружены в Петропавловской крепости беглые дезертиры, прибывшие из-за границы. Задержанные сообщили, что они из Казанской губернии, бежавшие от рекрутской повинности и скрывающиеся за границей 10–15 лет. Узнав о Манифесте, они прибыли в Петропавловск, где обзавелись хозяйством и живут там уже 7 лет. Кроме того, как указали задержанные, ими были поданы прошения о причислении их к деревне Мавлютово [ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 19–20].

От исполнительной экспедиции Томскому и Тобольскому генерал-губернаторам были направлены сведения о вернувшихся из-за границы беглых. Согласно зафиксированным спискам из-за границы прибыло 172 человека беглых, часть из которых была отправлена по местам их прежнего жительства. Однако часть из них оказалась поселенцами, прибывшими в Сибирь за преступления. Все они также были распределены в Томской и Тобольской губерниях. Губернским властям предписывалось провести допрос прибывших к ним, установить их истинные имена и к какому сословию они принадлежат [ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 4. Л. 21–31 об.].

В Томское губернское правление в 1829 г. был направлен рапорт Семипалатинского городничего об обнаружении в Семипалатинске двух татар Курбата Улла и Оли Оглы, прибывших из-за границы [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 180. Л. 1]. Данные лица были задержаны и преданы суду за бродяжничество. При рассмотрении судом данного дела было установлено, что указанные татары в Томской губернии не значатся. Следует также отметить, что именно бродяжничество являлось одним из самых распространенных преступлений сибирской ссылки. Около 2/3 всех ссыльных были осуждены и сосланы в Сибирь именно за данное преступление [Катцина, 2010: 8].

На протяжении всего периода существования Российской империи имперские власти стремились к контролю за миграционными процессами. Правительство старалось сдерживать иностранную колонизацию на территории Сибири. К тому же возникали некоторые сложности по учету переселенцев на их новом месте жительства, что оказывало влияние на сбор податей и лишало государство дохода [Полякова, 2010: 327].

В 1850 г. в Томское губернское правление было направлено Томским губернским судом дело о переселении из-за границы татар, которые обратились в Семипалатинское полицейское управление. Указанные татары были заключены под стражу и признаны бродягами, намеренно скрывающими свое происхождение. На основании суда их было решено наказать розгами. При этом Галиева и Абдулова предписывалось отдать в арестантские роты на 10 лет, а в случае отсутствия мест там — сроком на 5 лет. По окончании срока наказания, а также в случае невозможности по состоянию здоровья и возрасту выполнять назначенные работы, предписывалось, как и Баязитова, направить в отдаленные места Сибири, а именно в Восточную её часть [ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1207. Л. 1–2].

Опасение со стороны имперской власти в отношении переселявшихся из-за границы мусульман было связано с их влиянием на единоверцев в Сибири. В 50-е гг. XIX в. были сделаны попытки установления контроля за всеми выходцами из Средней Азии, не имеющими российского подданства и приезжающими для ведения торговли.

При этом было предложено им либо покинуть территорию государства, либо в течение года принять российское подданство наравне с сибирскими бухарцами и ташкентцами. При этом, если среди прибывших из-за границы будут выявлены беглые преступники, то их следовало выслать на родину. Таким образом, власти стремились оградить население от влияния мусульманских проповедников и в целом вредных элементов, которые могли, по их мнению, прибыть из-за границы. В частности, министру внутренних дел Главным управлением Западной Сибири был сделан доклад, в котором указывалось на появление людей, называвших себя духовными лицами, но никакого разрешения при этом от Оренбургского магометанского духовного собрания у них не было. Указанные лица были арестованы в Акмолинской области [Речкина, 2006: 82–83].

Факты проникновения на территорию Сибири неблагонадежных иностранных подданных, исповедующих ислам, находят отражение в архивных данных. Так, Бийским земским судом в 1856 г. был направлен рапорт губернатору, в котором указывалось, что бухтарминский заседатель оповещал об участвовавших случаях конокрадства казаками, не являющимися подданными Российской империи. Для решения данного вопроса сообщалось, что всех задержанных доставляли под суд биев, хотя они промышляли в тех районах, где есть карантинная власть. Кроме того, указывалось, что для регулирования вопросов, связанных с появлением иностранных подданных на территории Сибири, не всегда хватает казаков, которые находятся в пограничной линии. Также отмечалось, что в связи с тем что казахи, не являвшиеся российскими подданными, не судились российскими властями, а передавались биям, часто их преступления оставались без наказания и находились вне поля российского законодательства [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 774. Л. 1–4]. В рамках рассматриваемого дела было установлено, что часто конокрады являлись китайскими подданными. На основании установленного факта было отмечено, что при рассмотрении данных дел должно действовать дополнительное условие, заключенное с китайским правительством ещё 18 октября 1768 г., которое регулировало вопрос о розыске конокрадов и их наказание за совершенное преступление [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 774. Л. 9–9 об.]

Заключение

Таким образом, сибирский регион на протяжении не одного столетия осваивался отчасти за счет ссылки. Российское правительство, используя ссылку как инструмент освоения региона, особое внимание уделяло представителям исламской традиции, численность которых неукоснительно росла. Следует отметить, что отношение к представителям различных этнических групп, исповедующим ислам, в составе ссыльного населения не было одинаковым. Особое опасение губернской администрации вызывали ссыльные татары, башкиры и выходцы с Кавказа, т. к. в них видели наибольшую склонность к религиозному фанатизму. Опасение вызывали и представители мусульманской традиции, прибывающие на территорию Сибири из-за рубежа. Данная тенденция продолжает сохраняться и во второй половине XIX в., причем основным источником контактов с единоверцами из-за рубежа начинает рассматриваться хадж, который следовало контролировать особенно пристально. Рост национального самосознания в мусульманской среде привел к ограничению возможности занимать ряд должностей представителям исламской традиции по причине вредного влияния на население Сибири. Так, по губерниям Сибири во второй половине XIX в. был разослан секретный циркуляр

Министерства внутренних дел, предписывающий не допускать мусульман на должности волостных и сельских управлений. Социально-экономические и политические преобразования в стране во второй половине XIX — начале XX в. изменили и социальный облик ссыльных мусульман. На территории Сибири появляются мусульмане, сосланные за политические преступления и антиправительственные взгляды, что требовало к ним особенно пристального внимания местных властей [Шершнева, 2024].

С целью формирования в среде ссыльных мусульман покорности и готовности встать на путь исправления имперские власти видели необходимым включить в этот процесс духовенство. Муллы были задействованы в тюремном служении, а также привлекались к судопроизводственной практике при решении вопросов по нормам Шариата. Однако в связи с тем, что они не составляли отдельной корпорации, а являлись представителями мусульманской общины, на которых распространялись все податные обязанности, муллы также оказывались подсудны. Одним из главных помощников в деле воспитания нравственности среди российских подданных выступала Русская православная церковь. Представители церкви брали на себя обязанности по духовно-нравственной и экономической поддержке осужденных. Принятие православия в некоторых случаях освобождало новокрещенных от уголовного наказания, что находило свое подтверждение в архивных материалах. Несмотря на то, что органы власти Российской империи стремились к контролю за ссыльными мусульманского вероисповедания на территории Сибири, следует отметить очень тяжелое материальное положение ссыльнопоселенцев, которое приводило их часто к повторному совершению преступлений. К тому же законодательная база, четко регламентирующая положение ссыльнопоселенцев на территории Сибири, начинает разрабатываться только с 1822 г. Обращая внимание на все эти моменты, следует отметить, что именно тяжелое социально-экономическое положение ссыльных мусульман на территории Сибири в дореформенный период не могло способствовать их глубокой адаптации в данном регионе и формированию глубоких нравственных качеств в их среде.

Благодарности и финансирование

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ «Социокультурная адаптация и взаимодействие религиозных общин центральноазиатских окраин России и Монголии в условиях модернизационных процессов во второй половине XIX — первой четверти XXI в.» (проект № 26-48-03003).

Acknowledgments and funding

The work was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “Socio-cultural adaptation and interaction of religious communities in the Central Asian suburbs of Russia and Mongolia in the context of modernization processes in the second half of the 19th — first quarter of the 21st century” (project No. 26-48-03003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андрощук В. В. Формирование правовых основ системы управления инословными конфессиями в Российской империи XVIII — начала XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 27–39.

Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описание, статистика). М.: ИКЦ «Академкнига», 2001. 367 с.

Бакиева Г. Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. Вып. 7. С. 166–171.

Бакиева Г. Т. Российское государство и сибирские татары в XVII — начале XX в.: конфессиональный аспект // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4. С. 7–15.

Высшие центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2: Центральные государственные учреждения. Министерство внутренних дел. Министерство юстиций. Министерство финансов. Министерство торговли и промышленности. Государственный контроль. СПб.: Наука, 2001. 260 с.

Гавриленков А. Ф. Мусульмане в Смоленской губернии во второй четверти XIX — начале XX века // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (28). С. 25–34.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 4.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 15.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 774.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 233.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 519.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1207.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 4. Д. 22.

Дамешек А. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 2. 416 с.

Дашковский П. К., Шершнева, Е. А. Организация мусульманских приходов в Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. // Ислам в России и Евразии XVI–XXI вв.: коллективная монография. СПб.: Алатай, 2021. С. 148–167.

Денисов Д. Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX — начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11. История. Вып. 50. С. 90–94.

Загидуллин И. К. Исламский ритуал в российских тюрьмах (конец XVIII — начало XX в.) // Рамазановские чтения. Нижний Новгород: Медина, 2007. С. 108–110.

Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII–XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем востоке. 2014. № 1. С. 42–53.

Казаркин А. П. Этапы колонизации Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 2. С. 31–40.

Катцина Т. А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX — начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2010. № 3. С. 5–16.

Копцева Н. П., Байрамов Т. Р. К вопросу о специфике Сибирского ислама // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1737–1744.

Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Татары Сибири в XVIII — начале XX вв.: расселение, численность и социальная структура // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 177–185.

Лилявина Е. В. Татары-переселенцы в Томске и его окрестностях (XVII–XX вв.) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. № 3 (13). С. 60–73.

Литвинов В. П. О высылке «вредных» мусульман из царского Туркестана (по архивным материалам) // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 6. С. 73–77.

Литвинов В. П. Полицейский надзор за проституцией в Царской России: туркестанский вариант // Клио. 2024. № 04. С. 80–89.

Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 496 с.

Никулина И. Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е — первая половина 70-х гг.). Иркутск: Оттиск, 2011. 254 с.

Петровский А. В. Взаимодействие традиционных и религиозных нормативных институтов предупреждения преступного поведения с законодательством Российской империи в XIX — начале XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9. С. 88–93.

Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание I. Т. XV. № 11166.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. Собрание II. Т. VII. № 5126.

Полякова В. А. Особенности российского дореволюционного миграционного законодательства XVII–XIX веков // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2. С. 326–329.

Речкина И. А. Мусульманская политика российских властей в Казахской степи (конец XVIII в. — 60-е гг. XIX в.) // Вестник Омского университета, 2006. № 2. С. 80–84.

Саидов А. А., Алибекова С. Я. Ислам и Российское государство в имперский период: характер взаимоотношений и этапы // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 44–58.

Сальникова Е. С. Положение ссыльных в местах их причисления в Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник ИрГТУ. 2012. № 2. С. 269–275.

Сальникова Е. С. Путь следования ссыльных в Восточную Сибирь во второй половине XIX века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 319–323.

Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального М.: Издательский дом Марджани, 2009. 216 с.

Сысоев А. А., Кавецкий Д. Б. Пенитенциарная политика самодержавия и её влияние на личную и имущественную безопасность сибирского населения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2. С. 92–104.

Устав о ссыльных. СПб., 1822. 91 с.

Шершнева Е. А. Вмешательство органов государственной власти в судебную систему мусульман Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. Т. 1. № 11. С. 348–354.

Шершнева Е. А. Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 125–139.

Ярков А. П. Мусульмане в системе исполнения наказания в Азиатской части России: прошлое и настоящее // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019. С. 213–217.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2021. 300 с.

References

Androshchuk V. V. Formirovanie pravovykh osnov sistemy upravleniya inoslovnymi konfessiyami v Rossiiskoi imperii XVIII nachala XX veka [Formation of the legal foundations of the management system of non-orthodox faiths in the Russian Empire of the XVIII — early XX century]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective]. 2020, no. 1, pp. 27–39 (in Russian).

Arapov D. Yu. *Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye akty, opisanie, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legislative acts, description, statistics)]. Moscow: ICC “Akademkniga”, 2001, 367 p. (in Russian).

Bakieva G. T. Prikhodskoe dukhovenstvo u sibirskikh tatar v XVIII — nachale XX v. [The parish clergy of the Siberian Tatars in the XVIII — early XX century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2007, iss. 7, pp. 166–171 (in Russian).

Bakieva G. T. Rossiiskoe gosudarstvo i sibirskie tatory v XVII — nachale XX v.: konfessional'nyi aspekt [The Russian state and the Siberian Tatars in the 17th — early 20th centuries: a confessional aspect] *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of the Altai State University] 2008, no. 4, pp. 7–15 (in Russian).

Dameshek L. M. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)*. [Siberia in the system of Imperial regionalism (1822–1917)]. Irkutsk: Imprint, 2018, vol. 2, 416 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Organizatsiya musul'manskikh prikhodov v Zapadnoi Sibiri v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The organization of Muslim parishes in Western Siberia in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Islam v Rossii i Evrazii XVI–XXI vv.: kollektivnaya monografiya* [Islam in Russia and Eurasia of the XVI–XXI centuries: a collective monograph]. St. Petersburg: Alatea, 2021, pp. 148–167 (in Russian).

Denisov D. N. Vypolnenie musul'manskim dukhovenstvom okruga OMDS gosudarstvennykh polnomochii v XIX — nachale XX veka [The fulfillment of state powers by the Muslim clergy of the OMDS district in the 19th — early 20th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History]. 2012, no. 11, vol. 50, pp. 90–94 (in Russian).

Gavrilentov A. F. Musul'mane v Smolenskoii gubernii vo vtoroi chetverti XIX — nachale XX veka [Muslims in the Smolensk province in the second quarter of the 19th — early 20th century]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Historical Sciences]. 2017, no. 4, pp. 25–34 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO). [The State Archive of the Tomsk region (GATO)]. Fund 2. Inventory 2. File 4. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 2. File 15. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 2. File 774. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 180. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 233. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 519. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 3. Inventory 10. File 1207. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 170. Inventory 4. File 22. (in Russian).

Ivanov A. A. Ugolovnaya ssylka v Sibir' v XVII–XIX vv.: chislennost', razmeshchenie, ispol'zovanie v ekonomike regiona [Criminal exile to Siberia in the XVII–XIX centuries: number, location, use in the economy of the region]. *Gumanitarnye issledovaniya v vostochnoi Sibiri i na dal'nem vostoke*. [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2014, no. 1, pp. 42–53 (in Russian).

Katcina T. A. Ugolovnaya ssylka i problemy nishchenstva v sibirskom obshchestve v XIX — nachale XX v. [Criminal exile and the problems of begging in Siberian society in the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the RUDN University. Series: The History of Russia]. 2010, no. 3, pp. 5–16 (in Russian).

Kazarkin A. P. Etapy kolonizatsii Sibiri [Stages of colonization of Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University] 2008, no. 2, pp. 31–40 (in Russian).

Kopceva N. P., Bairamov T. R. K voprosu o spetsifike Sibirskogo islama [On the specifics of Siberian Islam]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2015, no. 1, pp. 1737–1744 (in Russian).

Korusenko S. N., Tomilov N. A. Tatary Sibiri v XVIII — nachale XX vv.: rasselenie, chislennost' i sotsial'naya struktura [Tatars of Siberia in the XVIII — Early XIX centuries: settlement, number and social structure]. *Vestnik arkheologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2011, no. 2, pp. 177–185 (in Russian).

Lilyavina E. V. Tatary-pereselentsy v Tomske i ego okrestnostyakh (XVII–XX vv.) [Tatar settlers in Tomsk and its environs (XVII–XX centuries)]. *Tomskii zhurnal LING i ANTR*. [Tomsk Journal of LING and ANTR]. 2016, no. 3, pp. 60–73 (in Russian).

Litvinov V. P. O vysylke “vrednykh” musul'man iz tsarskogo Turkestana (po arkhivnym materialam) [On the expulsion of “harmful” Muslims from Tsarist Turkestan (according to archival materials)]. *Vestnik KRSU*. [Bulletin of the KRSU]. 2015, vol. 15, no. 6, pp. 73–77 (in Russian).

Litvinov V. P. Politseiskii nadzor za prostitutciei v Tsarskoi Rossii: turkestanskii variant [Police supervision of prostitution in Tsarist Russia: the Turkestan version]. *Klio* [Clio]. 2024, no. 04, pp. 80–89 (in Russian).

Nam I. V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)*. [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Publishing House Tomsk University, 2009, 496 p. (in Russian).

Nikulina I. N. *Religiya i politicheskie ssyl'nye Zapadnoi Sibiri v XIX v. (20-e — pervaya polovina 70-h gg.)*. [Religion and political exiles of Western Siberia in the 19th century (the 20-s — the first half of the 70-s)]. Irkutsk: Imprint, 2011, 254 p. (in Russian).

Petrovskii A. V. Vzaimodeistvie traditsionnykh i religioznykh normativnykh institutov preduprezhdeniya prestupnogo povedeniya s zakonodatel'stvom Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX v. [The interaction of traditional and religious regulatory institutions for the prevention of criminal behavior with the legislation of the Russian Empire in the XIX — early XX century]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. [Society: politics, economics, law]. 2021, no. 9, pp. 88–93 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, Collection I, vol. XV, no. 11166 (in Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1833, Collection II, vol. VII, no. 5126 (in Russian)

Polyakova V. A. Osobennosti rossiiskogo dorevolutsionnogo migratsionnogo zakonodatel'stva XVII–XIX vekov [Features of the Russian pre — revolutionary migration legislation of the XVII–XIX centuries]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010, no. 2, pp. 326–329 (in Russian).

Rechkina I. A. Musul'manskaya politika rossiiskikh vlastei v Kazahskoi stepi (konets XVIII v. — 60-e gg. XIX v.) [Muslim policy of the Russian authorities in the Kazakh steppe (the end of the XVIII century — the 60s of the XIX century)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2006, no. 2, pp. 80–84 (in Russian).

Saidov A. A., Alibekova S. Ya. Islam i Rossiiskoe gosudarstvo v imperskii period: kharakter vzaimootnoshenii i etapy [Islam and the Russian state in the Imperial period: the nature of relationships and stages]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2021, vol. 12, no. 4, pp. 44–58 (in Russian).

Sal'nikova E. S. Polozhenie ssyl'nykh v mestakh ikh prichisleniya v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [The situation of exiles in their places of residence in Eastern Siberia in the second half of the 19th century]. *Vestnik IrGTU*. [Bulletin of the IrSTU]. 2012, no. 2, pp. 269–275 (in Russian).

Sal'nikova E. S. Put' sledovaniya ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' vo vtoroi polovine XIX veka [The path of the exiles to Eastern Siberia in the second half of the 19-th century]. *Vestnik IrGTU*. [Bulletin of the IrGTU]. 2011, no. 1, pp. 319–323 (in Russian).

Seleznev A. G., Selezneva I. A., Belich I. V. *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in Siberian Islam: the specifics of the universal]. Moscow: Marjani Publishing House, 2009, 216 p. (in Russian).

Shershneva E. A. Gosudarstvennyi kontrol' za blagonadezhnost'yu musul'manskogo naseleniya Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [State control over the reliability of the Muslim population of Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2024, vol. 29, no. 2, pp. 125–139 (in Russian).

Shershneva E. A. Vmешatel'stvo organov gosudarstvennoi vlasti v sudebnuyu sistemu musul'man Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Interference of state authorities in the judicial system of Muslims of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve* [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space]. 2022, vol. 1, no. 11, pp. 348–354 (in Russian).

Sysoev A. A., Kaveckii D. B. Penitetsiarnaya politika samoderzhaviya i eyo vliyanie na lichnyuyu i imushchestvennyuyu bezopasnost' sibirskogo naseleniya [The penal policy of the autocracy and its impact on the personal and property security of the Siberian population]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016, no. 2, pp. 92–104 (in Russian).

Ustav o syl'nykh. [The Charter of the exiles]. St. Petersburg, 1822, 91 p. (in Russian).

Vysshie tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. T. 2: Tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya. Ministerstvo vnutrennikh del. Ministerstvo yustitsii. Ministerstvo finansov. Ministerstvo trgovli i promyshlennosti. Gosudarstvennyi kontrol' [The highest central government institutions of Russia. 1801–1917. Vol. 2: Central state institutions. The Ministry of Internal Affairs. The Ministry of Justice. The Ministry of Finance. Ministry of Trade and Industry. State control]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, 260 p. (in Russian).

Yarkov A. P. Musul'mane v sisteme ispolneniya nakazaniya v Aziatskoi chasti Rossii: proshloe i nastoyashchee [Muslims in the system of execution of punishment in the Asian part of Russia: past and present]. *Perspektivnye napravleniya nauchnykh issledovaniy po istorii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossijskoi Federatsii: materialy II Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Promising areas of scientific research on the history of the penal system of the Russian Federation: proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2019, pp. 213–217 (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. *Islam ot Urala do Kamchatki v panorame vekov*. [Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries]. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University, 2021, 300 p. (in Russian).

Zagidullin I. K. Islamskii ritual v rossiiskikh tyur'mah (konets XVIII — nachalo XX v.) [The Islamic ritual in Russian prisons (late 18th — early 20th centuries)]. *Ramazanovskie chteniya* [Ramadan Readings]. Nizhny Novgorod: Medina, 2007, pp. 108–110 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 25.06.2026

Принята к публикации: 20.08.2026

Дата публикации: 30.09.2026